

4 _____ *Контртип*

«Спокойное величие» и самообладание стереотипа маскулинности отражало то, каким создавшее его общество хотело бы видеть самое себя. Отождествлять себя с таким однозначным символом было сравнительно легко, поскольку в его облике читалась универсальная мораль и нормы, которые определяли образ жизни, вызывавший всеобщее одобрение. Тем не менее для лучшего самоопределения идеал маскулинности, как, впрочем, и все современное общество, нуждались в контрасте. Изгоев и маргиналов отнесли к контртипу, который, подобно кривому зеркалу, отражал обратную сторону общественных норм. К изгоям относили тех, чье происхождение, вероисповедание или язык отличались от большинства населения, или тех, кого считали асоциальными элементами из-за их несоответствия социальным нормам. Для таких маргиналов поиски идентичности были делом трудным и болезненным, и хотя не все изгой сталкивались с одинаковыми проблемами, по сути они должны были либо отказаться от своей идентичности, либо попытаться приспособить ее к общепринятым нормам; только в последние десятилетия XIX века этот выбор расширился за счет личной эмансипации.

Какие же черты современное общество приписывало маргинализируемым группам? Изгоями считались те, у кого, по всеобщему мнению, не имелось ни корней, ни родины: цыгане, бродяги и евреи, отнесенные их недругами к этой категории из-за отсутствия у них собственной территории. К этому списку надо добавить

закоренелых преступников, душевнобольных и представителей сексуальных меньшинств. В маргинализации этих групп не было ничего нового: и в Средние века и на заре Нового времени они существовали на периферии общества, но после того, как модерное общество было структурировано и регламентировано, их вытеснение приобрело планомерный характер. Та же систематизация, которую мы наблюдали при складывании стереотипа маскулинности, была применена для создания его контртипа. Изгой символизировал физический и нравственный беспорядок, и авторы популярных немецких романов XIX века любили противопоставлять упорядоченную буржуазную жизнь их беспорядочному и неприкаянному существованию. Основной мишенью таких сочинений служили евреи, поскольку, в отличие от цыган или бродяг, они создавали опасную конкуренцию, и, что было тогда еще более важно, составляли эмансипированное меньшинство в процессе ассимиляции. Так, Густав Фрейтаг в популярной книге «Приход и расход» (*Soll und Haben*, 1855) противопоставил торговый дом добропорядочного немецкого купца, привязанного к своей родине, торговому предприятию евреев, вечно переезжавших с места на место, изворотливых и нечестных. Сходным образом Фридрих Хаклендер в книге «Торговля и путешествия» (*Handel und Wandel*, 1850) высмеивал частые переезды, считая их дорогой к безумию, а также коммерческие спекуляции и риски, вытесняющие так называемый честный труд. В подобных сочинениях читается отчаянное стремление замедлить процесс модернизации и обуздать ускоряющийся ход времени.

Характерно, что именно в это время вновь пробудился интерес к легенде о «странствующем еврее», которая окончательно сложилась еще в XVII веке. Гюстав Доре, прославившийся своими иллюстрациями к Библии, в 1852 году создал широко разошедшуюся ксилографию «Странствующий жид», наградив ее героя длинными

тощими конечностями, огромным носом и развевающимися на ветру волосами; на лбу у него он нарисовал красный крест, а в руку вложил посох [☉ 4.1]. Если в прежние времена этот образ обладал определенным достоинством, то теперь его взяла на вооружение антисемитская пропаганда¹. В легенде шла речь о еврее, который не позволил Христу, шедшему на Голгофу, прислониться к стене своего дома, за что и был обречен на вечные скитания по свету. Немецкие антисемиты XIX века называли его «Вечным жидом», подчеркивая, что неприкаянность – это кара за грех, а евреи – вечные бродяги. (Нацисты сняли фильм и открыли выставку под названием «Вечный жид».)

☉ 4.1 Густав Доре. Странствующий жид, 1853. Доре был особенно знаменит своими иллюстрациями к Библии. *United States Holocaust Memorial Museum*

1 Hasam-Rokem G., Dundes A. (eds.), *The Wandering Jew*, Bloomington, Ind., 1986, p. 238.

Контртип создавался под влиянием тех же факторов, которые определяли формирование современной маскулинности. С XVIII века антропологи прибегали к эстетическим критериям при обсуждении отличий белой расы от так называемых примитивных народов: пользуясь методами сравнения черепов и измерения лицевого угла, которые тогда считались вполне научными, они провозгласили «физическую красоту» знаком превосходства европейцев. Более того, в 1790-е годы, в период всеобщего увлечения классификациями, такой авторитетный классификатор рас, как Петрус Кампер, использовал в качестве основного стандарта лицевого угла винкельмановский идеал красоты². Другие антропологи и физиогномисты последовали его примеру. Один и тот же стандарт красоты использовался и в эстетике, и в науках о человеке.

Каким же был нормативный стандарт уродства? Общество оценивало тех, кто отличался от общепринятой нормы, опираясь на стандарт красоты. Если идеал красоты отражал потребности общества, то уродство помогало определить его врагов. Стандарт мужской красоты опирался на идеи гармонии и соразмерности движений; он исключал все случайное; каждая часть тела должна была точно соответствовать своему месту. Человечество должно было стремиться к совершенству, опираясь на красоту³. Насколько же низко оно могло пасть из-за уродства, учитывая ту роль, которую красоте предстояло сыграть в жизни образованного среднего класса, который уверовал в то, что красота возвышает человека, и чтил ее как светскую религию и как символ святости?

2 Mosse G. L., *Toward the Final Solution*, p. 22.

3 См.: Schiller F., *Über die ästhetische Erziehung des Menschen*, Stuttgart, 1965, S. 60 (русский перевод: Шиллер Ф., *Письма об эстетическом воспитании человека*, пер. с нем. Э. Радлова, М., 2018).

Уродство было оборотной стороной красоты: все в нем было случайным, негармоничным и беспорядочным; телосложению не хватало четкости форм, а на лице играла так называемая подвижная физиономия. Уродство дополняло описанный нами принцип красоты: точно так же, как воплощением этого принципа стал идеал истинной мужественности, символом уродства служил изгой. Его телосложение отличалось от идеала вплоть до мельчайших черт. Шиллер, как и его современники, подчеркивал важность формы для восприятия красоты, имея в виду чистые линии и гармоничные пропорции, исключавшие всякую чрезмерность. Изгоя отличали не только суетливость и лихорадочная подвижность, но и бесформенность; в нем не было ни умеренности, ни чувства золотой середины, воспетых Шиллером⁴ и созвучных общественным идеалам того времени.

Уродство могло быть не только физическим, но и нравственным: наружность человека отражала его сущность. Беспорядок во внешнем виде говорил о неспособности человека владеть своими страстями, из-за чего мужская честь рисковала обернуться трусостью, целомудрие – похотливостью, а честности не было и в помине. Коротко говоря, все добродетели превращались в пороки. Карикатурные изображения Вечного жиде во всем его безобразии намекали на его безнравственность и предостерегали от нарушения общественных норм. Легенда о Вечном жиде с самого начала была задумана как нравоучительная притча. Телесные и духовные характеристики уродства наглядно обозначали полную противоположность тем идеалам, которые символизировала красота.

Взаимосвязь между телом и душой стала крепче и понятнее благодаря участию медицины в отборе и определении изгоев. Врачи внесли свой вклад в конструирование

4 Ibid., S. 61.

маскулинности, заявив, что здоровое тело и здоровый дух неразделимы; это представление играло ту же роль, что и гимнастика вкупе с физическими упражнениями – в лепке мужского тела. Более того, врачи начали относить к категории больных тех, кто не вписывался в устойчивое общество; физическое нездоровье превратилось в угрозу общественному благополучию. Уже упомянутая книга Симона Андре Тиссо «Онанизм»⁵ – ранний и показательный пример того, как применялась эта установка. Это авторитетное сочинение определяло отношение к мастурбации на протяжении полутора веков, убедив рассматривать ее как опасную болезнь, которая истощает организм и ведет к различным формам «умственной неполноценности», включая сумасшествие и гомосексуализм, а также к повышенной нервозности, характерной для всех изгоев. Социальная отверженность накладывала отпечаток на тело и ум и провоцировала цепочку взаимосвязанных болезней. Проблемы окружали изгоя со всех сторон. Тиссо был уверен, что мастурбация вызывает реальную физическую боль – головную, желудочную, ревматическую, но главную угрозу, наряду с общим истощением организма, представляет расстройство нервов⁶.

Видеть в нервозности болезнь, связанную с общим состоянием организма, начали задолго до Тиссо. Предотвратить ее позволяло крепкое телосложение, поэтому, как в 1682 году писал знаменитый английский врач Томас Сиденхем, женщины в силу деликатной конституции более подвержены нервозности и психическим заболеваниям, чем мужчины⁷. Болезни и расстройства расшатывали нервы и у мужчин, делая их похожими на женщин (к этому сюжету мы еще вернемся); хуже того,

5 См. наст. изд., с. 77.

6 Tissot S., *L'Onanisme ou Dissertation physique sur les maladies produite par le masturbation*, S. 193.

7 Doerner K., *Madmen and the Bourgeoisie*, Oxford, 1981.